

КАРТИНА

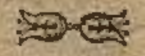
ВОСЬМИЛѢТІЯ РОССІИ,

СЪ 1825-го ПО 1834-й ГОДЪ.

Сочиненіе **В. ОЛИНА.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1833.

КАРТИНА

ВОСЬМИЛѢТІЯ РОССІИ.

КАРТИНА

ВОСЬМИЛѢТІЯ РОССІИ,

съ 1825-го по 1834-й годъ.

Сочиненіе **В. ОЛИНА.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Департамента Внѣшней Торговли.

1833.

Печатать позволено,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. — Санктпетербургъ, 18 Октября 1833.

Ценсоръ А. Никитенко.

П О С В Я Щ А Е Т С Я

СОГРАЖДАНАМЪ и ОТЕЧЕСТВУ.

. . . Nam vita Principis censura est, eaque perpetua . . . . .

. . . Num omnia cujusmodi, ut is optime Te laudasse videatur, qui narraverit fidelissime?

PLIN. (in Panegyric.)

Жизнь Государя имѣетъ спасительную силу, постоянно дѣйствующую на нравы . . . . .

Не такова ли вся жизнь Твоя, что того похвала будетъ лучшею, кто вѣрнѣе исчислитъ всѣ Твои дѣянія?

Плиній.

„Благочестивое и мудрое было обыкновеніе предковъ нашихъ," говоритъ знаменитый древній Витія, приступая къ Похвальному Слову своему Императору Траяну, — "благочестивое и мудрое было обыкновеніе предковъ нашихъ, Сограждане! начиная всѣ дѣла и рѣчи, обращаться съ моленіемъ къ богамъ безсмертнымъ!" — И такъ, готовясь вѣщать о благодѣтельномъ для насъ послѣднемъ Восьмилѣтіи Россіи, начнемъ и мы рѣчь нашу изліяніемъ благодарности Царю Царей, помазавшему намъ на царство Государя мудраго и добродѣтельнаго! — Хотя сердца всѣхъ Россіянъ,

Сограждане! давно уже пламенѣли къ Нему симъ священнымъ чувствомъ; — но я могу сказать съ благородною гордостію, что они не предупредили меня въ ономъ: я только, послѣдній, изливаю здѣсь торжественно умиленную благодарность Небесному Промыслу, вѣнчавшему намъ въ Самодержцы царствующаго нынѣ Монарха! — Но съ чего я начну рѣчь мою? ..... Нѣтъ, я не буду прибѣгать ни къ искуственнымъ цвѣтамъ витійства, ни къ сопу поэзіи; ибо самою лучшею похвалою для Государя въ Исторіи будетъ обнаженная истинна. И такъ единая токмо истинна да будетъ похвалою для благодатной годины нашего времени, — да будетъ моимъ водатаемъ въ путяхъ ея славы — моимъ вдохновеніемъ! —

Миръ и благоденствіе процвѣтали въ Европѣ, потрясенной еще не давно всѣми ужасами браней, возженныхъ необузданнымъ честолюбіемъ Вождя Галловъ. Миръ и благоденствіе, повторяю, процвѣтали въ успокоенной Европѣ, по низверженіи Гиганта Франціи побѣдоносною десницею Александра. Маслина всеобщаго спокойствія прозябала благоухая подъ кроткимъ вліяніемъ Благословеннаго, осѣняемая щитомъ богатыря Сѣвера, на стражѣ при оной стоявшаго. Процвѣтали торговля, науки, свободныя художества, томящіяся всегда въ гибельномъ для нихъ бездѣйствіи при громѣ браней; селянинъ, опершись на плугъ свой, спокойно отдыхалъ отъ трудовъ своихъ въ знойный полдень и при закатѣ солнечномъ, не страшась, что желѣзная рука военнаго самовластія, по первой прихоти своего честолюбія, похититъ ихъ у него подъ ратныя знамена свои, и что солнце завтрашнее не взойдетъ для него также счастливо, какъ и нынѣшнее. Казалось, что ни одна туча, ни единое облако долго еще не

омрачать яснаго горизонта Европы, — какъ вдругъ внезапная и плачевная вѣсть, примчавшаяся отъ водъ Азовскихъ, поразила слухъ изумленныхъ народовъ и пронзила сердца ихъ неизъяснимою горестію: Александръ, сей Ангелъ мира и кротости, лежалъ уже во гробѣ! — О воспоминанія ужасныя! О зрѣлище, потрясающее мысль и раздирающее душу! Тотъ, по единому манію коего двигались милліоны людей, почіетъ уже сномъ непробуднымъ, простертый на одрѣ смерти! — Дымятся мастики въ кадильницахъ, пылаютъ погребальныя свѣчи; служители Алтаря, въ облаченіяхъ мрачныхъ какъ ночь, какъ отчужденіе свѣта, и соотвѣтствующихъ мраку, подернувшему тогда сердца наши, возсылаютъ съ колѣнопреклоненіемъ молитвы за упокой небесной души Его, прерываемыя слезами и рыданіями, — души, витающей уже въ Райскихъ селеніяхъ и повитой лучами безсмертія; раздаются въ безмолвіи ночи надъ царственнымъ прахомъ слова Псалтиря Давидова; лежатъ при гробѣ упраздненные

клейноды Самодержавной власти, свыше отъ Бога даруемой; уста, изрекавшія еще не давно судъ и милость, бывшую постояннымъ движеніемъ сердца Благословеннаго, немотствуютъ и безмолвствуютъ, какъ бы на мраморномъ ликѣ; небесныя зѣницы, въ которыхъ, какъ бы въ зеркалѣ, изображалась вся неизсякаемая доброта кроткой души Его, сомкнуты рукою Ангела смерти; — самая десница Его, нѣкогда скиптродержавная и побѣдоносная, къ которой наперерывъ летѣли сердца какъ Его подданныхъ, такъ и племенъ чуждыхъ, и которой царственный мечь, на поляхъ славы, поражалъ какъ громъ Божій несмѣтныя полчища враговъ, возставшія въ буйствѣ своемъ на миролюбивый народъ, управленію Его Вседержителемъ ввѣренный, — самая десница Его, говорю, неподвижная и хладная, безсильна уже отразить даже единую, едва примѣтную для очей пылинку, на нее упадающую! ...... Такъ, такъ, Сограждане! вотъ торжественный случай, преносясь мыслію къ смертному одру Александра, возкликнуть въ

уничиженіи сердецъ нашихъ, что великъ только одинъ Господь - Вседержитель! — Но опустимъ завѣсу на сіе плачевное зрѣлище; прервемъ воспоминанія для насъ столь горестныя. Мы отдали уже должную дань слезъ и рыданій незабвенной памяти покойнаго Государя; и слезы горести вѣчно бы не перестали струиться изъ очей нашихъ, если бы въ Августѣйшемъ Преемникѣ Благословеннаго не возсіяло намъ новое Божество на тронѣ! —

Какое примѣрное и вѣчно-безсмертное событіе представляется здѣсь для рѣзца и адамантовыхъ скрижалей Исторіи! — Упразднёнъ вѣнецъ Царскій! — Дѣеписанія гласятъ намъ, что духъ честолюбія, для стяжанія порфиры и скиптра, проливалъ часто не только вообще кровь человѣческую, но посягалъ даже на жизнь своихъ единокровныхъ и самыхъ родителей. Нѣтъ такихъ воображаемыхъ преступленій, которыя не были бы осуществлены на самомъ дѣлѣ, для достиженія вѣнца и багряницы. Если бы я захотѣлъ приводить здѣсь сему примѣ-

ры, заимствуя ихъ изъ хартій вѣковъ, изчисленіе оныхъ было бы не трудно. Но здѣсь мы видимъ дѣйствіе совершенно сему противное! Упраздненъ, повторяю, вѣнецъ Царскій! Два Августѣйшие брата великодушно состязуются между собою, не о томъ, кому изъ Нихъ возложить на себя клейноды Самодержавія,— но кому, предпочтительно предъ самимъ собою, отказаться отъ скиптра въ пользу другаго: борьба примѣрная и безсмертная! Не знаемъ, по истиннѣ, кому удивляться болѣе: отрекающемуся ли добровольно, не смотря на свои права первородства, или не пріемлющему Державы, уступаемой Ему въ полномъ сознаніи Его царственныхъ доблестей, не взирая на пламенное желаніе гражданъ зрѣть Его на престолѣ предковъ и освященіе воли Августѣйшей Родительницы! Трудно и знаменито, безъ сомнѣнія, совершать пожертвованія блистательныя и безсмертныя; знаменито и великодушно отрещись добровольно и безъ малѣйшаго сожалѣнія отъ упоительной власти Самодержавія: но стократъ

знаменитѣе и великодушнѣе не принимать оной, единственно по духу смиренія и изъ благоговѣйнаго уваженія къ священнымъ правамъ первородства! Умолкните вы, пресловутые примѣры доблестей вѣковъ древнихъ! Воззрите изъ безднъ вѣчности на сію борьбу великодушія взаимнаго — и уступите оной безсмертную пальму первенства! . . . .

Недоумѣваетъ еще изумленная Россія, пораженная свѣжею горестію о преждевременной кончинѣ Александра Благословеннаго, кто изъ двухъ порфироносныхъ братьевъ, Константинъ или Николай, возложитъ на себя древній вѣнецъ Мономаховъ, залогъ нашей славы и нашего благоденствія. Мысли и взоры всѣхъ гражданъ устремлены въ ожиданіи на подъятыя вѣсы Рока съ двумя жребіями Россіи, колеблющимися въ ихъ адамантовыхъ чашахъ . . . . . Но Всемогущій Господь, прозирающій всевидящимъ окомъ Своимъ въ тайны грядущаго, возводитъ надъ горизонтомъ Россіи Солнце нашего благоденствія — вѣнчая

Николая Перваго, Отца отечества, на подпертый веками престолъ Его предковъ; — Николая Перваго, призваннаго уже давно сердцами нашими, взлелѣяннаго нашимъ желаніемъ — и слезы нашей горести смѣшались мгновенно съ слезами нашей радости, и восхищенное Отечество, преклонивъ колѣна свои, возводитъ къ Небу умиленныя очи и славословитъ Провидѣніе, столь явно пекущееся объ его славѣ и благоденствіи! . . . . Такъ, Сограждане! мы должны вѣчно приносить ежедневныя благодаренія Царю Царствующихъ, — ибо Николай Первый скиптродержавствуетъ нынѣ въ Россіи! . . . . . .

Но что могу я прибавить къ тому, что чувствовали тогда сердца всѣхъ вѣрноподданныхъ, когда приносили мы Государю предъ лицемъ Бога клятву въ вѣрности и цѣловали Ему крестъ на оную? Чувства наши превышали возможность витійства уловить ихъ и передать въ рѣчи имъ равносильной; — ибо чувство жизнь и необъятность, а слово одни только тщетные звуки! . . . .

Буйная безнравственность, Сограждане! необходимыя слѣдствія коей суть всегда: ослѣпленіе, нужды и страсти, ежеминутно въ тщетномъ усиліи раздражающіяся, любитъ своевольную независимость: гражданинъ мирный и благонамѣренный любитъ порядокъ и благоустройство, ограждающіе его семейство, личность и собственность, и коихъ, особенно въ Государствахъ обширныхъ, не можетъ быть безъ власти Самодержавной. И подобно, какъ и въ самыхъ нѣдрахъ благодѣтельной природы, между веществами цѣлебными, находятся равномѣрно и смертоносные яды: такъ точно и въ нѣдрахъ Россіи, благоденствующей подъ Отеческимъ скипетромъ благочестивѣйшихъ и Богоизбранныхъ Царей ея, таился, въ глубокомъ уединеніи, мрачный духъ гнусной крамолы, и корень постыднаго заговора питаемъ былъ между нѣсколькими честолюбивыми себялюбцами, буйными и ослѣпленными. Не могу, однако жъ, умолчать здѣсь неоспоримой истины, поучительной для Владыкъ и народовъ, а именно,

что гнусная крамола сія не засѣялась, но только, давно уже созрѣвши, вспыхнула при царствующемъ нынѣ возлюбленномъ **Государѣ**, и въ самыя первыя минуты Его Самодержавія; — и въ самыя же первыя минуты сіи, минуты блистательнаго торжества непоколебимой твердости Его духа и царственныхъ доблестей, разсыпалась какъ дымъ, или лучше сказать рухнула, во мгновеніе молніи, какъ тщетное зданіе на пескѣ основанное! —

Еще намъ памятно, Сограждане! это время смутное и прискорбное, воспоминаніе о коемъ вѣчно будетъ поражать негодованіемъ и глубокою горестію сердце каждаго вѣрноподданнаго и истиннаго сына Отечества! Еще, какъ теперь, смотримъ мы на **Государя**, разъѣзжающаго на конѣ предъ строями Христолюбивыхъ войскъ Его, съ мечемъ обнаженнымъ. Небесное спокойствіе, безъ малѣйшей тѣни слѣдовъ смущенія или гнѣва, изображалось на открытомъ челѣ Его, какъ вѣрный знакъ убѣжденія въ Своемъ всемогуществѣ. Грудь каждаго

Πέλεκυς, πελεκάω.	Пилика,—ца, (топоръ) пиликаю.
Ἄλιος, φάλιος, φαλὸς, πελὸς, πελιδνὸς, πελιδνότης, πελιδνόω; πολιὸς, πολιϐμαι.	Алый, бялый, бѣлый, блѣдный, блѣдность, блѣднѣю; булый, булѣю.
Πορθῶ, πόρθημα, πόρθησις, πορθητής.	Порчу, порча, порченіе, портитель (разоритель).
Πέσσω, πέττω, πέπτω, πέθω, πένθω, πένθος, πενθαλέος.	Пеку, печь, печаль, печальный.
Πίω, πίνω, πῖνον, πιανὸς, πότης, ποτικός.	Пію, пиво, піянъ, питель, питейскій.
Πλέω, πλέσσω, πλέττω, πλέκω, πλεκτὸς, πλεκτὴ, πλεκτάνη.	Плету, плеть, плетень.
Πήσσω, πηγνύω, πῆγμα.	Пишу, письмо.
Πρήθω, πρηδὼν, πρῆσις.	Прыщу, прыщь.
Πτερὸν, πτερῶ, πτέρινος, πτερίνα.	Перо, перю, перинный, перина.
Πυῤῥὸς, πυῤῥότης, πυράκης.	Бурый, бурость, буракъ (красный = свекла = *σεῦτλον*).
Ῥάζω, ῥέζω, ῥέδω, ῥέγος, ῥῆγος, ῥόδον, ῥοδόεις, ῥόδαξ.	Ряжу, рядить, т. е. дѣлать, риза (платье крашеное) розонъ, розовый, розочка.
Ῥέω, ῥόος, ῥϐς, ῥέεθρον, ῥεῖθρον, ῥύω, ῥύαξ, ῥύσις, ῥοή.	Рѣю, руя, русло, ручей.
Ῥέω, ῥῆσις, ῥητὸν, ῥῆτρα.	Реку, речь, рокъ, урокъ.

содрагаются въ разскаяніи и повергаются предъ Ними во прахъ, какъ бы предъ нѣкими Божествами! — Изрекается судъ преступникамъ; маститое Судилище, основанное Петромъ Великимъ, обрушаетъ надъ виновными главами ихъ всю строгость законовъ; но кроткое сердце Государя смягчаетъ достодолжную кару правосудія, слѣдуя врожденнымъ чувствамъ Своего милосердія. Очищена Россія отъ зла, гнѣздившагося въ ея нѣдрахъ; принесены торжественныя молебствія Царю Царствующихъ; уже гражданинъ мирный не страшится смутъ гибельныхъ; отцы семейства, окончивъ дневные труды свои, засыпаютъ спокойно подъ ихъ безмятежнымъ кровомъ; и подобно какъ изцѣлѣвшій отъ тяжкаго недуга искуствомъ опытнаго врача, приноситъ ему сердечную дань благодарности, такъ точно и Россія, возрожденная Отеческимъ сердоболіемъ и доблестію Государя, припавъ къ подножію престола Его, струитъ изъ очей своихъ слезы признательности, и лобзаетъ скиптродержавную десницу Его, даровав-

шую ей спокойствіе и безопасность! ....
Такъ, Сограждане! благодарность наша къ Государю можетъ сравниться только съ Его Отеческими о насъ попеченіями: она передастся отъ насъ дѣтямъ и внукамъ нашимъ, которые безъ сомнѣнія будутъ столько же счастливы подъ скипетромъ Его порфироноснаго Сына, Александра II-го, какъ нынѣ упоеваемся мы златою для насъ годиною при благодатной Державѣ царствующаго Государя! —

Побѣдоносный Орелъ Россійскій покоился на потухшихъ мѣдяныхъ громахъ своихъ, повитый безсмертными лаврами. Дни и годы продолжали восходить и заходить надъ Россіею, не смущаемые браннымъ звукомъ оружія; текли златые часы тишины и всеобщаго спокойствія, и мечь благочестивѣйшаго Государя не трепеталъ при бедрѣ Его нетерпѣливымъ желаніемъ суетной славы, всегда готовый впрочемъ наказать строптивыхъ и отразить силу силою, какъ неусыпный стражъ безопасности Отечества и правъ народныхъ. Если бранная слава Россіи, Сограждане! пріятна серд-

цу Государя, то жизнь Его подданныхъ всегда пребудетъ для Него драгоцѣннѣе трофеевъ и лавровъ, купленныхъ цѣною оной; ибо слава завоевателей, подобно зловѣщей кометѣ, сіяетъ въ лучахъ кровавыхъ; но слава благотворителей человѣчества любезна потомству. Продолжала, говорю, цвѣсти радостная олива мира подъ благотворнымъ вліяніемъ Монарха— какъ вдругъ невѣрные Персы дерзнули возстать на наше Отечество; дерзнули, нечестивые, вторгнуться съ оружіемъ въ рукахъ въ отчерченные мечемъ предѣлы наши. Забыли они о древнихъ своихъ пораженіяхъ; забыли поля Мараѳонскія, мечи фалангъ Македонскихъ; забыли потрясенный Багдадъ могуществомъ Солимановымъ, забыли наносимые имъ еще не давно грозные удары штыками Русскими; — забыли объ отбитыхъ нами у у нихъ бранныхъ трофеяхъ, хранящихся въ нашихъ храмахъ, какъ памятники ихъ вѣчнаго стыда и нашей славы; — забыли наконецъ, ослѣпленные, что Николай Первый царствуетъ въ Россіи — и брань вспыхнула на Востокѣ! —

Обнажился давно покоившійся въ ножнахъ мечь Русскій, увитый маслиною мира; ступаетъ по лаврамъ, отъ побѣдъ къ побѣдамъ, воинство полуночное; Слава, съ златою трубою, повсюду ему предшествуетъ, и звуки оной раздаются по всей вселенной!.... Но какъ, упоминая о сей брани, не начать мнѣ съ Тебя перваго, о Ты, знаменитый Сѣверный богатырь нашъ, безсмертный Вождь Эриванскій! Ты былъ душою вѣчной для насъ славы сей брани! Куда ни устремлялся Ты съ грознымъ мечемъ своимъ, и съ мѣдяными перунами, Тебя окружавшими — тамъ твердыни и грады склонялись предъ Тобою челомъ своимъ, и побѣдоносныя знамена Русскія вѣяли на зубчатыхъ ихъ башняхъ. Плѣненіе Ахалцыка, покореніе упорнаго Арзерума и Эривани, останутся на всегда блистательными трофеями Твоей бранной славы, и вѣчно будутъ сіять, какъ яркія созвѣздія, въ Исторіи побѣдъ и завоеваній!..... Прости, знаменитый Герой! что я, гражданинъ мирный, и послѣдній, быть можетъ, изъ служителей девяти

небесныхъ дѣвъ Греціи, дерзнулъ возложить на бранный шлемъ Твой, унизанный звѣздами безсмертія, скромный и убогій вѣнокъ лавровый, но благоухающій къ Тебѣ чувствами изумленія и усердія! Другіе, витіи и стихотворцы, могутъ достойнѣе возхвалить Твои подвиги, но я не уступлю имъ пальмы первенства въ благоговѣніи моемъ къ Тебѣ, Алкидъ Сѣвера! Жертва, говорятъ, цѣнится не по убранству, изобилію и туку, но по чистотѣ обѣтовъ и усердію: горсть ѳиміама, посыпанная отъ сердца на жертвенникъ, была нѣкогда столь же пріятна Небу, какъ и пышныя всесожженія, муссикія и пѣснопѣнія храмъ потрясающія!... Но мнѣ предстоитъ еще говорить о Твоихъ подвигахъ, продолжая избранную мною съ священнымъ трепетомъ Картину благословеннаго Восьмилѣтія Россіи; ибо слава Твоя сливается нераздѣльно съ безсмертною славою царствованія Николая Перваго! —

Трепещутъ враги, объятые ужасомъ; содрагается пламенный Левъ под крылами Орла двуглаваго. Исполинъ нашъ, съ

быстротою молніи, шагнулъ со льдистаго вѣнца Эльборуса подъ древнія стѣны изумленной Испагани, ужаснулъ Падишаха въ самой столицѣ его, потрясенной громомъ Русскихъ пушекъ, — и повергъ трепещущую и умоляющую о мирѣ Персиду къ стопамъ Николая! — Великодушный Монархъ даруетъ ей миръ, знаменитый для Россіи, — и Персія отступила предъ нами въ границахъ своихъ, отмежеванныхъ мечемъ Эриванскаго! — Государи великіе умѣютъ избирать и людей великихъ! —

Десница Монарха украсила новымъ лавромъ чело Россіи, даровавъ оной и маслину мира, столь любезнаго Его сердцу. Но едва громъ оружія умолкъ на брегахъ Аракса, Ефрата и Тигра; едва звѣзда тишины и спокойствія засвѣтилась снова на горизонтѣ нашемъ — какъ побѣдоносный Монархъ долженъ былъ съ сокрушеннымъ сердцемъ объявить войну Оттоманской Портѣ, за нарушеніе прежнихъ условій, клятвою запечатлѣнныхъ.

Хотя война, Сограждане! есть неизбѣжное зло; но когда Цари и народы

обнажаютъ мечь свой за дѣло правое — для отраженія насилія, для обузданія буйства, возмущающаго древній порядокъ и спокойствіе общественное, или для доставленія, чрезъ мечь, мира міру, или радостной сѣни благодатной оливы — таковая брань, Сограждане! есть брань священная — брань свыше благословенная! . . . .

И снова трехгранные штыки Рускіе заблистали за синими волнами Дунайскими; возвѣялись знамена Императорскія, со стороны противуположной, и въ обширныхъ областяхъ гордаго Истамбула, отдѣляемыхъ отъ Европы шумными волнами древней Пропонтиды или Босфора Ѳракійскаго; покрылись воды Эвксинскія и пучины моря Средиземнаго Царскими кораблями съ ихъ громовыми челюстями пламенной мѣди сраженій. Трепещетъ блѣднѣющій полумѣсяцъ предъ блескомъ оружія Россійскаго; сдаются и покоряются города и твердыни; не защищаютъ оныхъ ни смертоносныя бойницы, ни многочисленная стража ихъ охраняющая. Нѣтъ преградъ побѣдоносымъ воинствамъ Государя; изче-

заютъ, какъ дымъ предъ лицемъ вѣтра, непріятельскія полчища на стремительномъ пути ихъ, ознаменованномъ славою побѣдъ и завоеваній; на каждомъ шагу ихъ ростутъ лавры, возносятъ, по слѣдамъ ихъ, гордое чело свое бранные трофеи, охраняемые геройскими тѣнями падшихъ собратій; — самыя даже неприступныя горы, съ ихъ непроходимыми ущельями и дебрями, съ ихъ каменными щепинами, къ облакамъ возносящимися, съ ихъ ужасными пропастями, теряющимися въ глубинѣ бездонной, склоняются, изумленныя, подъ ихъ стопы богатырскія; преодоляются трудности, противупоставляемыя самою природою, ничѣмъ непреодолимою! — Оный древній Родопъ Ѳессалійскій (*), сія нѣкогда бывшая обитель браннолюбиваго Марса, трепещетъ подъ пятою нашихъ Сѣверныхъ витязей, и двуглавый Орелъ Россійскій уже распростеръ свои крылья съ Адріанопольскихъ башенъ, дабы устремиться ему съ пламенѣющимъ перуномъ

(*) Нынѣшняя цѣпь Балканскихъ горъ.

въ когтяхъ своихъ на башни Стамбульскія! ....

И Ты, знаменитый побѣдитель гордаго Падишаха надменной Персиды, безсмертный нашъ Вождь Эриванскій! мечь Твой ужасенъ былъ какъ громъ Божій въ сей кровопролитной брани съ невѣрными, и лучи славы упадали съ онаго на чело Твоей Россіи, вскормившей Тебя млекомъ своимъ! — Но если бы я захотѣлъ исчислять здѣсь всѣ Твои подвиги, изъ коихъ единаго уже, по мнѣнію моему, достаточно для безсмертія, я бы заблудился въ путяхъ Твоей славы, и не могъ бы прибавить, по слабости моихъ дарованій, ни одного листка къ Твоему вѣнку лавровому! Пускай лиры нашихъ Бардовъ звѣнятъ про безсмертныя дѣла Твои; но я не могу достойно вѣщать объ оныхъ, ибо Ты утомилъ уже и самую славу, звучащую о Твоихъ подвигахъ! .....

Перенесемся теперь мысленнымъ скомъ нашимъ къ южнымъ брегамъ Греческаго Пелопонеса, богатаго воспоминаніями древности. Какая величественная

и вмѣстѣ ужасная картина представляется воображенію нашему! Кипятъ глубокія волны Средиземнаго моря подъ окриленными твердынями, изрыгающими изъ мѣдяныхъ пастей своихъ пламенные перуны смерти: дружественные флоты Британскій и Россійскій громятъ морское ополченіе враждебное, плывущее отъ тучныхъ береговъ Египта на помощь къ трепещущему Истамбулу. Грозно отражается зарево пылающихъ кораблей Египетскихъ на багрянѣющемъ морѣ, не зрѣвшемъ еще до толѣ на зыбяхъ своихъ ни одной подобной бранной тревоги: окрестъ пучина безбрежная — и безпредѣльные воды оной не могутъ одолѣть пламени, пожирающаго гибнущіе корабли поклонниковъ Лжепророка! — Нѣтъ, для довершенія картины сей нужны не кисти вишійства, но краски съ палитры самой природы! . . . . . . О битва Наваринская! ты вѣчно пребудешь безсмертна въ лѣтописяхъ міра! Имена Саламина, Лепанта, Чесмы и Трафальгара затмѣваются предъ тобою въ блескѣ славы твоей! Отъ великаго флота Еги-

пейскаго остались одни только обломки и головни, усѣявшіе пучину. Такъ, Наваринъ пребудетъ вѣчно обелискомъ безсмертія дней нашихъ; протекутъ вѣка, и путешественникъ, посѣщающій Морею, вспомнитъ невольно о славѣ оружія Россійскаго! —

Нѣкоторые, быть можетъ, скажутъ, что дерзнувъ вѣщать о знаменитомъ Восьмилѣтіи Россіи, я уже долго умалчиваю о самомъ Государѣ. Нѣтъ, говоря о подвигахъ Полководцевъ Его, говоря о подвигахъ побѣдоносныхъ Его силъ ратныхъ, я не переставалъ вѣщать и о Самомъ Государѣ; ибо, подобно какъ Провидѣніе, хотя и незримое, познается по дѣламъ или твореніямъ Его премудрости, всѣмъ руководствуя и всѣмъ управляя: такъ точно и духъ мудрости Государя, съ высоты престола Его, управлялъ и руководствовалъ всѣми сими событіями — памятниками славы Его царствованія, столь для насъ радостнаго и благодатнаго! — Но Великій Государь нашъ дѣйствовалъ не только духомъ разума, сей верховной и божественной причины

преуспѣянія царствъ и народовъ: Онъ не жалѣлъ равномѣрно подвергать Себя, съ мечемъ въ рукѣ, всѣмъ трудамъ и опасностямъ ратнымъ. Видѣли бойницы непріятельскія пресвѣтлое чело Его, повитое небеснымъ спокойствіемъ; сверкали атаганы враговъ невѣрныхъ предъ Царскими очами Его, и Государственный мечь Его облеснулъ какъ молнія поля Турецкія; — и Ты, порфироносный братъ Государя, доблестный Михаилъ! и Ты всегда былъ тамъ первымъ, гдѣ сильнѣе кипѣла опасность ратная! Но мнѣ предстоитъ еще вѣщать о Твоихъ подвигахъ, юный Герой Славянскій! и повязать лавровый вѣнокъ, сплетенный рукою славы, на кудри Твои, окуренные порохомъ! . . . . . О, какъ трепетали сердца наши, сердца всѣхъ вѣрноподданныхъ, за драгоцѣнную жизнь Государя! Всѣ мы страшились, чтобы не коснулась священныхъ дней Его быстрая смерть брани, и возсылали отъ глубины сердецъ нашихъ теплыя молитвы къ Царю Царей, да отвѣетъ Онъ всемогущею десницею Своею отъ Божественной главы

Его погибель внезапную! да сохранитъ, для счастія нашего, драгоцѣнные дни жизни Его, запечатлѣнной Отеческою любовію къ своимъ вѣрноподданнымъ! . . . .

Такъ, Небесное Провидѣніе, Сограждане! явно охраняетъ священные дни нашего Государя! — Воспомнимъ (хотя при семъ грозномъ воспоминаніи содрагается мысль и сердце наше трепещетъ, обливаяся кровію) — воспомнимъ оную ужасную бурю на понтѣ Эвксинскомъ, когда чорныя волны, кипя и бушуя на пространствѣ безбержномъ, то разверзали до дна нѣдра пучины, то ударялись, какъ бѣшеныя, въ мрачныя тучи пѣнистымъ челомъ своимъ, неся на хребтѣ своемъ отъ стѣнъ Варнскихъ, по своей прихоти, легкій корабль, на коемъ находился возлюбленный Государь нашъ — спокойный посреди самой бури, и всегда великій духомъ въ опасностяхъ. Сокрушены снасти; корабельная мачта дрожитъ какъ тростинка; разодранные паруса летаютъ лахмотьями въ воздухѣ; мрачная ночь лежитъ на свирѣпѣющемъ понтѣ; молніи озаряютъ ужасъ природы; трескъ

грома сливается съ ревомъ бунтующей пучины; отчаянный кормчій потерялъ уже всю надежду, и корабль, съ Святынею нашего Отечества, несется къ берегамъ враждебнымъ, игралище стремленія бездны и дыханія вѣтровъ...... Не пловцы, находившіеся при Монархѣ, дерзали, трепещущіе и объятые блѣднымъ страхомъ, ободрять Государя: но Самъ Государь, съ челомъ яснымъ и улыбающимся, ободрялъ пловцевъ трепещущихъ. Умолкни предъ грознымъ событіемъ симъ знаменитый примѣръ древности, когда Кесарь, сей властелинъ вселенной, захваченный также на волнахъ бурею, ободрялъ цѣпенѣющаго отъ страха кормщика не страшиться угрозъ свирѣпствующей пучины, вѣщая, что онъ везетъ Кесаря съ покорствующимъ ему счастіемъ; рѣчь надменная и, статься можетъ, преисполненная тщетной самонадѣянности! Когда бы погибъ Кесарь, на свѣтѣ было бы только однимъ честолюбцемъ менѣе — и чего бы не стоило Россіи и полъ-свѣту пресѣченіе дней Николая! Но благочестивый и

Богоизбранный Государь нашъ предалъ всего Себя, съ упованіемъ твердымъ, симъ источникомъ душевнаго спокойствія, въ волю Господню — и Небесный Промыслъ сохранилъ драгоцѣнные дни Государя! — Не ясно ли усматриваемъ мы изъ сего чудеснаго избавленія, что самъ Господь блюдетъ главу нашего возлюбленнаго Монарха и хранитъ священную нить Августѣйшей жизни Его для блага Россіи и спокойствія общаго? — Такъ, если мы и всегда питали къ Монарху нашему благоговѣніе безусловное, то — дерзну сказать откровенно — съ минуты событія сего мы уже зрѣли въ Государѣ нѣчто болѣе, чѣмъ Божество земное: мы видѣли въ Немъ перстъ Божій — кивотъ нашего счастія и завѣтъ благоденствія міра!... Простите, Сограждане! сему нелестному и вмѣстѣ невольному изліянію чувствъ сердца, потонувшаго къ Государю въ изумленіи благоговѣйномъ!.....

Уже открытъ безпрепятственный путь Россійскому воинству, отъ предѣловъ Адріанопольскихъ, прямо къ много-

башенному Истамбулу, лежащему на седьмихолмномъ амфитеатрѣ; уже штыки Русскіе готовы возблистать въ стѣнахъ града, воздвигнутаго Константиномъ Великимъ, и отъ единыя только зависитъ воли и мановенія Государя повѣсить Ему Царскій щитъ Свой, подобно древнему Олегу, на врата Константинопольскія! . . . . Но трепещущій Оттоманъ, повсюду разбитый и пораженный, преклоняетъ чело свое къ стопамъ Государя, прося пощады и мира — и великодушный Монархъ даруетъ ему испрашиваемый миръ, всевластный повязать чело Свое діадимою Константина Великаго; — и освобожденная Греція, преклонивъ колѣна свои, лобзаетъ десницу Государя, даровавшую ей новую жизнь и бытіе гражданское! — О вы, знаменитыя тѣни Героевъ древней Эллады, возрадуйтесь въ вашемъ Эллизіумѣ, видя Грецію вашу освобожденную отъ узъ постыднаго рабства побѣдоносною десницею Николая! Такъ, да познаютъ народы, что Государь нашъ обнажаетъ Царскій мечь Свой не для суетной сла-

вы завоеваній, но для охраненія священныхъ правъ Своихъ, Богомъ Ему дарованныхъ; для усмиренія буйныхъ, и для благоденствія Своего Отечества и Своихъ вѣрноподданныхъ! — Такъ, миръ *Адріанопольскій*, доколѣ солнце будетъ освѣщать землю, останется незабвеннымъ въ Исторіи народовъ, и вѣчно будетъ сіять надъ бездною временъ, какъ бы нѣкій лучезарный вѣнокъ адамантовый, горящій вкругъ священнаго имени безсмертнаго **Николая Перваго**!—

Справедливость и милосердіе **Государя**, столь сродныя великой душѣ **Его**, находили пріятнѣйшую для себя пищу какъ въ самомъ продолженіи сихъ двухъ упомянутыхъ браней, такъ и по достохвальномъ окончаніи оныхъ: призрѣны убогія сироты и вдовицы падшихъ на полѣ сраженія; награждены витязи, каждый по заслугамъ своимъ; успокоены увѣчные и ограждены отъ нуждъ щедротою Царскою: такъ, Сограждане! Великій **Государь** нашъ всегда является намъ какъ бы нѣкое Божество, вѣчно справедливое и милосердое! . . . . .

*

Маслина мира зацвѣла снова по громахъ брани въ успокоенной Россіи, и златые дни мирные, подъ благотворнымъ вліяніемъ Государя, принесли намъ плоды полезные и благодатные. Упоминать ли мнѣ о томъ множествѣ мудрыхъ постановленій Монарха, спасительное дѣйствіе коихъ, болѣе или менѣе, каждый изъ насъ на себѣ испытываетъ? Такъ точно вѣчное солнце дѣйствуетъ лучами своими на цѣлое, и всѣ части онаго получаютъ жизнь, лѣпоту, силу и здравіе. И въ чѣмъ дѣйствительно заключается мудрость Правительства? Не въ сообщеніи ли движенія благоустройству общему, изъ коего уже исходятъ потомъ источники нашего благоденствія частнаго? Не такъ ли и Самое Провидѣніе управляетъ сею огромною вселенною? Благоразумію гражданъ предоставляется черпать изъ сихъ общихъ источниковъ благодатныхъ. Такъ, Сограждане! возблагодаримъ Промыслъ Небесный: все то, что только можно дѣлать, Августѣйшій Государь нашъ для насъ дѣлаетъ; и сколь часто, когда уже всѣ

покоятся въ объятіяхъ сна безмятежнаго, уединенная лампа озаряетъ ночныя бдѣнія Его для счастія Своихъ подданныхъ, и потухаетъ только съ восходомъ солнечнымъ, освѣщающимъ предстоящіе Ему новые труды и заботы для нашего же благоденствія! Какими жъ благодареніями воздадимъ мы Государю за сіи отеческія Его объ насъ попеченія? Сердца наши да будутъ Ему храмами; обѣты истиннѣ — всесожженіями и ѳиміамами, а жертвою — плоды доблестей и содѣйствія нашего, въ благоговѣйной покорности, всѣмъ мудрымъ Его предначертаніямъ! —

Законы, Сограждане! суть та основа, тотъ краеугольный камень, на коемъ держится все зданіе Государственное; гдѣ нѣтъ законовъ, тамъ нѣтъ благоустройства, тамъ послѣдняя собственность каждаго, его сайдакъ или одежда изъ шкуры звѣриной, и самая даже безопасность личная подвержены игрѣ прихоти сильнѣйшаго; — законы, Сограждане! суть узда для буйныхъ, наши права, нашъ оплотъ, наша опора; они свѣтъ, озаряющій пути людямъ, соединившимся въ общество; бла-

годѣтельный фаръ политическій, возжигаемый Царями и градоправителями, безъ коего челны наши погрязли бы въ пучинѣ бѣдствій и злополучій, или разбились бы о камни страстей и преступленій. И такъ не ясно ли вамъ доказываетъ сія истинна, о вы, умы буйные и самовольные! что власть, дарующая намъ законы, или освящающая оные, есть власть спасительная и благодѣтельная? . . . Но почто проповѣдывать истину неоспоримую? — Одни только слѣпцы не могутъ видѣть солнца. И такъ Великій Государь нашъ, дабы, по словамъ Писанія, "свѣтильникъ свѣтилъ на свѣщницѣ," повелѣлъ собрать въ единый составъ всѣ законы нашего Отечества, да вѣдаютъ оные всѣ, и да никто не отговаривается невѣденіемъ оныхъ. Благодѣтельная лампада сія возсіяла намъ изъ подъ спуда, возженная Твоею десницею, Отецъ Отечества! Знаменитый трудъ сей, крѣпчайшій всѣхъ бронзъ и обелисковъ, еще при жизни Государя падетъ въ вѣчное подножіе Его памятника! . . . . Но мнѣ предстоитъ еще вѣщать о сей

безсмертной славѣ царствованія Государя; и, отвлекаемый другими предметами Его царственныхъ доблестей и добродѣтелей, я обращаюсь къ онымъ въ изумленіи благоговѣйномъ.

Подобно какъ посреди прекраснаго лѣтняго дня внезапно находятъ мрачныя тучи, и грозная буря, вырвавшись изъ заклѣповъ своихъ, являетъ повсюду слѣды бѣдствій и опустошеній: такъ точно и златая година Россіи, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, или лучше сказать, дабы не закоснѣли мы на стезѣ благихъ преуспѣяній, наслаждаясь постояннымъ благополучіемъ, возмущена была, на нѣкоторое время, плачевнѣйшимъ изъ всѣхъ бѣдствій. Моръ, ужасъ природы и бичь Божій, достигшій въ Россію съ предѣловъ Азійскихъ, пожиралъ тутъ и тамъ тысящи жертвъ, не щадя ни преклонныхъ лѣтъ, ни младенчества, и гробы взгромозжались ежедневно въ нѣдрахъ земли надъ гробами, и слезы отцевъ, матерей, братій, чадъ и друзей, слезы неизъяснимой горести и отчаянія, не преставали струить-

ся по блѣднымъ ланитамъ ихъ о невозвратныхъ потеряхъ, столь драгоцѣнныхъ ихъ сердцу; если же кого еще не поражало Небо сими ужасными крестами, то единый страхъ подвергнуться онымъ равнялся уже почти съ самымъ бѣдствіемъ! — Приняты, по приказанію Государя, спасительныя и человѣколюбивыя мѣры для обузданія опустошеній язвы; самый ужасъ бѣдствія, казалось, содѣлался уже меньшимъ, когда узнали, что бѣдствіе сіе стало извѣстно Государю! О! если бы кто изъ насъ, Сограждане! могъ тогда проникнуть мысленнымъ окомъ своимъ въ святилище сердца Монарха!—какими бы умиленными чуствами благодарности не преисполнилось его собственное сердце! Онъ тысящу жизней готовъ былъ бы принесть въ жертву за единый день здравія Государя. И если когда либо милосердіе и сердоболіе Царей являлись намъ въ Исторіи примѣрными и единственными, то божественныя добродѣтели сіи, въ грозную эпоху нами упоминаемую, обнаружились въ благочестивѣйшемъ Государѣ нашемъ во всемъ ихъ без-

смертномъ блескѣ и ихъ необъятности! — Утомясь свирѣпствовать и пожирать жертвы на полднѣ Россіи, Кара Господня, наточивъ снова губительную косу свою, перенеслась со всѣми окружающими ее ужасами опустошеній въ первопрестольную столицу Русскаго Царства. Братъ страшился приближиться къ брату, опасаясь сообщенія заразы; женихъ убѣгалъ невѣсты своей, дотолѣ имъ обожаемой; самые дѣти скрывались отъ отцевъ и матерей своихъ, ища, по мнѣнію ихъ, уединенія спасительнаго; и одна только нѣжность родительская, быть можетъ, не страшилась прижимать чадъ своихъ къ сокрушеннымъ персямъ! Посреди всѣхъ сихъ неизглаголанныхъ ужасовъ, Государь, какъ Параклетъ Божій, или Духъ-Утѣшитель, внезапно является въ изумленной первопрестольной столицѣ Своей — и надежда ободрила мгновенно сердца отчаянныя, — и самая Кара Господня, казалось, начала съ незабвеннаго въ лѣтописяхъ дня того смягчать въ оживленной Москвѣ всѣ ужасы опустошеній,

какъ будто бы ожидая для сего, покорная судьбамъ Божіимъ, единаго токмо появленія Самаго Государя, какъ предъизбраннаго залога нашего всеобщаго благоденствія! — Такъ, Сограждане! вотъ единственный примѣръ непоколебимаго мужества, сердоболія и самоотверженія, изъ любви къ подданнымъ, въ хартіяхъ жизнеописаній всѣхъ Героевъ и Государей; ибо презирать дни жизни своей на полѣ битвы есть дѣло обыкновенное, и бывающее часто слѣдствіемъ одной только привычки къ опасностямъ: — но устремиться добровольно и великодушно во градъ, опустошаемый язвою, безъ страха и трепета, дабы ободрить несчастныхъ и личнымъ присутствіемъ Своимъ подать имъ утѣшеніе и помощь — вотъ, вотъ единственный и знаменитый примѣръ великодушія неслыханнаго и мужества необыкновеннаго! — Грифель Кліи, въ вѣковыхъ скрижаляхъ своихъ, запишетъ сей подвигъ превыше всѣхъ подвиговъ, достойныхъ безсмертія и благодарности! . . . .

Могу ль не упомянуть здѣсь, Сограждане! о новомъ величайшемъ благодѣяніи Государя, если не превышающемъ всѣ прочія, то слишкомъ важномъ и драгоцѣнномъ для Отечества, дабы не назвать оное главнѣйшею причиною преуспѣянія въ благоденствіи?

Неутомимый и вѣчно дѣятельный, перенеся съ запада Европы, рукою могучею, многовѣтвистое древо наукъ и художествъ, Петръ Великій, сей дивный Исполинъ своего вѣка, посадилъ оное на почвѣ Сѣверной, въ нѣдрахъ Своего Отечества, постигая силою Своего генія, сколь благодѣтельные плоды, укоренившись и процвѣтя подъ благотворнымъ вліяніемъ власти Самодержавной, принесетъ оно со временемъ для Его подданныхъ. Четыре великія Монархини, почти послѣдственно одна за другою вступавшія на престолъ Всероссійскій, покровительствовали въ Россіи Науки и Художества, при усердномъ рвеніи къ преуспѣянію оныхъ благодѣтельствовавшихъ имъ Перикловъ и Меценатовъ, имѣвшихъ всегда у насъ меж-

ду Вельможами, къ чести Государства, достойныхъ себѣ преемниковъ. Я не буду распространяться здѣсь о пользѣ просвѣщенія, почитая сіе излишнимъ; равнымъ образомъ и о тѣхъ быстрыхъ успѣхахъ въ образованности, кои сдѣлала Россія, начиная съ послѣдней половины столѣтія истекшаго, ибо кто оныхъ не вѣдаетъ; но обращусь къ существенной цѣли просвѣщенія, а именно — къ благому воспитанію юношества. И такъ, что такое есть воспитаніе благое? Воспитаніе благое, Сограждане! заключается, во первыхъ, въ твердомъ укорененіи понятій о началахъ незыблемыхъ чистой нравственности въ умахъ еще нѣжныхъ, способныхъ къ принятію оныхъ, подобно мягкому воску, удобно принимающему всякой видъ и различные отпечатки въ рукахъ искуснаго художника; во вторыхъ — во внушеніи повиновенія къ властямъ установленнымъ, какъ къ необходимымъ пружинамъ въ огромной сферѣ благоустройства общаго; и наконецъ, въ третьихъ — въ засѣяніи сердецъ юношей чувствами любви къ Отечеству и безусловной преданно-

сти къ Престолу, основанной на благодарности за Отеческія попеченія о нихъ пріемлемыя. Ибо, во первыхъ, человѣкъ безнравственный не можетъ быть ни полезнымъ гражданиномъ, ни вѣрнымъ слугою Отечеству, ни добрымъ сыномъ, ни достойнымъ супругомъ, ни попечительнымъ отцемъ семейства; во вторыхъ, гражданинъ строптивый и буйный есть нетерпимый членъ въ обществѣ, нарушитель порядка установленнаго, и столько же вредный для другихъ, какъ и для самаго себя, по тѣмъ гибельнымъ и карательнымъ послѣдствіямъ, кои обыкновенно рождаются для людей, пренебрегающихъ святынею постановленій и благоустройства; и, въ третьихъ, гражданинъ безъ любви къ Отечеству, безъ преданности къ Государю — есть врагъ Отечества, врагъ всѣмъ своимъ согражданамъ, врагъ самому себѣ, недостойный носить имени гражданина; ибо истинный гражданинъ любитъ порядокъ и благоустройство, любитъ Верховную власть, ихъ дарующую и сохраняющую, и какъ единственную изъ властей, могущую даровать

и хранить ихъ; но онъ заслуживаетъ, напротивъ того, достодолжной кары законовъ; заслуживаетъ быть изгнаннымъ изъ общества, какъ язва самаго общества. Наконецъ, Сограждане! благодѣтельная предусмотрительность Государя, и попеченіе Его объ истинномъ просвѣщеніи въ Отечествѣ, даровали нынѣ въ Путеводители просвѣщенію Мужа благонамѣреннаго и опытнаго на сей стезѣ многотрудной, знаменитаго по своимъ обширнымъ свѣденіямъ, и извѣстнаго всему ученому свѣту по многимъ твореніямъ общеполезнымъ и геніальнымъ, завѣщающимъ имя его потомству. Скажемъ однимъ словомъ, и не распространяясь далѣе, что никогда еще выборъ ни одного Монарха не падалъ на Вельможу болѣе достойнаго сей чести избранія; что никогда еще свѣтило болѣе благодѣтельное для просвѣщенія не согрѣвало лучами своими теплицы наукъ въ Отечествѣ нашемъ! — И такъ, Сограждане! устремимся наперерывъ, въ сердечной благодарности, къ десницѣ Государя, столь заботливо и столь милосердо пеку-

щагося о благомъ воспитаніи поколѣнія растущаго, столь близкаго и столь драгоцѣннаго сердцамъ нашимъ! Вы, наставники мудрые! содѣйствуйте съ пламеннымъ рвеніемъ благодѣтельной волѣ Государя! А вы, о юноши! внимайте въ преуспѣяніи симъ поученіямъ вашихъ наставниковъ, дабы собрать вамъ со временемъ благотворные плоды оныхъ, имѣющіе даровать вамъ миръ, спокойствіе, довольство и радость! — А Ты, Отецъ Отечества! удостой принять отъ насъ слабыя изъявленія нашей благодарности за всѣ Твои средобольныя о насъ попеченія, и за ту златую годину тишины и спокойствія, которою мы наслаждаемся преимущественно предъ другими народами подъ благодатнымъ Твоимъ для насъ Самодержавіемъ! — Такъ, Согражданe! лягутъ въ вѣчности годы на годы, рука времени сотретъ съ лица земли бронзы и мраморы; но Отеческое вниманіе Государя къ благому воспитанію юношества будетъ вѣчно сіять въ лѣтописяхъ, какъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ камней въ Самодержавномъ вѣнцѣ

Его, изливающемъ на насъ, подобно солнцу, лучи благодати и милости! —

Не могу также прейти молчаніемъ, Сограждане! великодушнаго вниманія Государя къ страждущему человѣчеству, хотя Онъ и уклоняется отъ жертвъ нашей благодарности. Сколько разъ, улучшенные милосердіемъ Его, многочисленные домы недуга или градскія лѣчебницы видѣли въ грустныхъ стѣнахъ своихъ пресвѣтлое чело Государя! Сколько разъ зрѣли они Государя, низходящаго съ высоты Своего престола, съ утѣшеніемъ и здравіемъ, подобно нѣкоему Божеству, въ ихъ поучительныя для тщеты нашей гордости палаты скорбей и недуга! — Такъ, такъ, Сограждане! Государь являлся посреди страждущаго человѣчества — и гласъ молитвы къ Царю Царей, какъ ѳиміамъ съ кадила, восходитъ о долгоденствіи Дома Его изъ глубины сердецъ благодарныхъ! И онъ доступенъ, какъ молитва наичистѣйшая и священнѣйшая, до слуха Того, который правитъ судьбою царствъ и народовъ! — Другіе Монархи, замѣтимъ здѣсь, какъ примѣръ благодѣ-

тельный, довольствуются только тѣмъ, что повелѣваютъ исполнять Августѣйшую волю ихъ; но Государь назираетъ Самъ даже и за исполненіемъ воли Своей для блага Своихъ вѣрноподданныхъ, ввѣренныхъ Ему въ любовь и охраненіе отъ Господа! . . . . Но я бы долго не кончилъ рѣчь мою, Сограждане! говоря о неизтощимомъ милосердіи Государя!

Упоминать ли мнѣ о неутомимой дѣятельности нашего благочестивѣйшаго Монарха, во все вникающей? Самая даже ябеда, въ мрачныхъ вертепахъ своихъ, не можетъ укрыться отъ очей Его, пронзающихъ взоромъ орлинымъ всѣ тайныя нарушенія святыни законовъ и порядка предустановленнаго. Какъ бы нѣкое Божество: Онъ единый — но вездѣ - сущій; незримый — но повсюду присутствующій. И такъ, да трепещутъ нечестивые, да уповаютъ граждане мирные и благонамѣренные! И кто болѣе, кто неутомимѣе между всѣми нами трудится для пользы Государства, какъ не Самъ Государь, Сограждане?, подавая чрезъ сіе и примѣръ поучительный, и вмѣстѣ

сообщая всѣмъ частямъ Правительства жизнь, движеніе, здравіе и преуспѣяніе; ибо гдѣ взоры Государя на все отверзты, тамъ все облекается въ общій порядокъ и благоустройство, это вѣрнѣйшее ручательство какъ въ прочности Государства, такъ и въ благоденствіи самихъ народовъ, оное составляющихъ.

Исторія затруднится, Сограждане! какой добродѣтели въ Государѣ нашемъ отдать достодолжное первенство предъ прочими. Удивляться ли въ Немъ болѣе непоколебимому мужеству, или Ангельской кротости души Его? Благоговѣть ли предъ неумолимою справедливостію Его, ужасною для нечестивыхъ какъ громъ Божій, или изумляться неистощимому Его милосердію? Изчезать ли предъ Нимъ въ величіи Царственной славы Его, или безъ страха ласкаться къ Нему, какъ дѣтямъ къ Отцу чадолюбивому? Возсхвалять ли Его простоту въ обращеніи частномъ, чистоту нравовъ, нѣжность родительскую, примѣрный образъ жизни семейственной, Его сострадание къ несчастнымъ, Его щедроты, Его бережливость, воздержность, трудолюбіе,

умѣренность, долготерпѣніе, мудрость, смиренномудріе? Недоумѣваемъ, Сограждане! которая изъ всѣхъ нетлѣнныхъ звѣздъ сихъ въ безсмертномъ вѣнцѣ возлюбленнаго **Государя** можетъ назваться прекраснѣйшею и лучезарнѣйшею; и если нѣсколькихъ изъ сихъ добродѣтелей достаточно для доставленія Царямъ безсмертія въ скрижаляхъ Исторіи, то что жъ сказать о человѣкѣ — о Государѣ, вмѣщающемъ ихъ въ Себѣ всѣ въ совокупности? — Молчу и благоговѣю! —

Я долженъ былъ бы обозрѣть здѣсь, Сограждане! успѣхи нашей торговли, нашей промышленности, наукъ, свободныхъ художествъ, нашей Словесности, сей представительницы народной, — однимъ словомъ, всѣ блистательные успѣхи Россіи на поприщѣ гражданственности, при благодатномъ вліяніи цвѣтущей маслины; но труба бранная отзываетъ меня снова, отъ предметовъ мирныхъ, на кровавое поле битвъ и смерти, пожравшей, къ несчастію, множество жертвъ въ борьбѣ неровной между двумя соплеменными народами! —

Чѣмъ, скажите, вы были недовольны нами? Ущедренная, взлелѣянная десницею Александра, не наслаждалась ли Польша подъ скипетромъ Его свободою и счастіемъ? Не зрѣли ль вы въ Августѣйшемъ Преемникѣ Его новое для васъ Божество благодѣтельное, которое, съ высоты Престола Своего, не преставало изливать на васъ лучи милости? Не было ли для васъ царствованіе Николая продолженіемъ царствованія Александра, или, лучше сказать, еще блистательнѣйшею зарею вашего благоденствія? Гдѣ жъ благодарность? гдѣ правота? гдѣ священныя исполненія присяги, долга и обязанности? . . . . Не изгладили ль мы изъ сердецъ нашихъ древней вражды къ вамъ нашихъ предковъ, потерпѣвшихъ отъ васъ много зла и бѣдствій? Не подали ль мы вамъ руку на вѣчное и мирное братство? Не считалъ ли васъ Государь, на ровнѣ съ нами, равно любезными Ему дѣтьми Своими? . . . . . Гдѣ жъ, по крайней мѣрѣ, блѣдный трепетъ достодолжной кары за преступленіе? О стыдъ! о позоръ! который вѣками не сотрется

въ Исторіи съ чела вашего, развѣ изглаженный только покорностію и преданностію многихъ вашихъ поколѣній грядущихъ! О вѣчный срамъ, превосходящій всякое другое безчестіе! — Древняя отчина Государя благочестивѣйшаго, укрѣпленная правами наслѣдія и святынею присяги, нарушивъ права и присягу, подняла знамя бунта; или, лучше сказать, люди буйные, своевольные, вѣчно и всѣмъ недовольные, ищущіе въ безпорядкахъ и кровопролитіяхъ общественныхъ личной для себя выгоды, обольстили легковѣрныхъ, соблазнили народъ и войско. Столько-то справедливо, что мятежи въ Государствахъ, вѣчно гибельные для Государства, никогда не бываютъ дѣломъ цѣлаго народа, общимъ желаніемъ гражданъ! . . . . И знамена Россійскія возвѣялись на брегахъ Вислы; буря брани, добровольно накликанная на себя мятежниками, потрясла Польшу доселѣ счастливую; — тяжка была для нея та година, однако же достойно ниспосланная Провидѣніемъ. Но что говорить о томъ дѣлѣ, которое давно уже рѣшилъ штыкъ Русской; вѣщать ли

мнѣ о пламенной любви войскъ нашихъ къ Царю и Отечеству, извѣстной цѣлому міру; говорить ли о храбрости Вождей Россійскихъ, вѣчно знаменитыхъ, вѣчно славныхъ, вѣчно безсмертныхъ на поляхъ битвы; упоминать ли мнѣ, по слабости моего слова, о Твоихъ ратныхъ доблестяхъ, о Ты, порфироносный братъ Монарха, раздѣлявшій бранные труды и опасности на ровнѣ съ Вождями и ратниками, и предводившій Гвардію Царскую, въ огнѣ и во громахъ, на обильную жатву безмертныхъ лавровъ, изъ коихъ рука Музы Исторіи свила уже Тебѣ вѣнецъ знаменитый? Нѣтъ, я кончу единымъ слововомъ: Исполинъ битвъ и сраженій, которому едва ли сыщется другой подобный — Эриванскій повергъ мятежницу къ стопамъ Государя, призвавшаго снова побѣду подъ знамена Отечества! — Изумились народы, пораженные симъ быстрымъ ударомъ; огласились храмы хвалебными гимнами Богу всемогущему, и лиры безсмертныхъ пѣвцовъ нашихъ отгрянули славою Царю и воинству! — Что же можетъ присовокупить къ сему послѣдній изъ одаренныхъ способно-

стію вѣщать о знаменитыхъ дѣяніяхъ съ достоинствомъ равнымъ величію предмета? Пускай же благоговѣйныя чувства удивленія замѣнятъ здѣсь въ священномъ безмолвіи слабый даръ моего слова! . . . .

Умолкла бранная непогода, вѣнцы лавровые вьются на знаменахъ Россійскихъ; Орелъ двуглавый, съ седьмью на персяхъ гербами царственными, потушилъ перуны въ кохтяхъ своихъ, повивъ ихъ благодатною маслиною мира, и, подобно древнему орлу Олимпійскому, отдыхаетъ— вѣчно побѣдоносный, на Самодержавномъ скипетрѣ Монарха, возсѣдящаго въ величіи и славѣ на Престолѣ Всероссійскомъ. Справедливость Государя, сей блистательнѣйшій яхонтъ въ Царскомъ вѣнцѣ Его, покарала виновныхъ, а Милосердіе отдѣлило заблудшихся отъ преступныхъ, Такъ, Сограждане! вездѣ и во всемъ является намъ Августѣйшій Монархъ нашъ подобнымъ для насъ Небесному Промыслу: милосердымъ и справедливымъ, справедливымъ и милосердымъ! Повергая изъ единыя длани неумолимые перуны закона на главу нару-

шителей благоустройства общественнаго, другую простираетъ Онъ намъ, подобно свѣтлому Ангелу благодати и кротости, съ чистѣйшею лиліею милосердія и благости. Самые даже враги Россіи (ибо кто не завидуетъ ей въ путяхъ ея блистательныхъ преуспѣяній?) невольно благоговѣютъ во глубинѣ души своей предъ царственными и непоколебимыми добродѣтелями Государя, симъ залогомъ нашего счастія и благоденствія; ибо истинна столь всемогуща, что даже и тѣ люди, которые по малодушію своему уклоняются отъ благодѣтельнаго ея свѣта, охотно желали бы, увлекаемые мысленно ея прелестію, обратиться наконецъ къ оному, умывъ росою цѣлебною отуманенные очи свои, и свергнувъ себя во прахъ тяжкія цѣпи порока и заблужденій.

Возхвалять ли намъ въ Государѣ благоговѣйныя чувства Его къ высокимъ доблестямъ и Его любовь родственную? Иные Монархи, Сограждане! стараются привлекать весь блескъ безсмертныхъ почестей на единую только главу Свою, сколько по чувствамъ личной гордости, столь-

ко и въ слѣдствіе упоеній лести, повсюду за ними слѣдующей съ кадильницею и ѳиміамомъ: но Великій Государь нашъ воздаетъ достодолжную дань безмертнымъ заслугамъ даже и въ самомъ гробѣ, чуждый какъ Божество всѣхъ слабостей человѣческихъ. Предупреждаетъ благочестивый Монархъ единодушное желаніе благодарной Россіи — и по Царскому гласу Его отторгается отъ вѣковыхъ Сѣверныхъ горъ Исполинъ - гранитъ, идетъ по хребтамъ волнъ Невскихъ — и становится въ Петрополѣ, покорный Николаю, на стражѣ безсмертія Александра! — Еще ни одинъ Монархъ, Сограждане! кромѣ Николая Перваго, не воздвигалъ обелиска послѣднему изъ Своихъ предшественниковъ. Смиритесь же вы, древнія пирамиды Ѳеопсовы, теряющіяся челомъ своимъ въ бронзовомъ небѣ Египта; и ты, знаменитый столпъ Трояновъ, подъемлющій къ звѣздамъ главу свою въ безсмертной столицѣ древняго міра: васъ соорудили надменная воля тщеславія и ласкательство, вѣчно себѣ радѣющее; — но монументъ Благословенному вознесенъ смире-

ніемъ, при всемъ его всемогуществѣ, и благоухающими чувствами благодарности, тѣмъ священнѣйшими, тѣмъ прекраснѣйшими, что сердце, исполненное оными, бьется подъ Царскимъ пурпуромъ! .... Такъ Сограждане! воздвигнутый Государемъ памятникъ Брату, освободившему Европу отъ тяжкихъ цѣпей самовластія, пребудетъ вѣчно, хотя и противъ желанія Государя, также и Его отдѣльнымъ памятникомъ; и не труба суетной Славы, но уста Ангела, съ высоты онаго, будутъ гласить временамъ и потомству, въ роды и роды, объ Его добродѣтеляхъ, предъ коими утопаемъ мы въ благоговѣйныхъ чувствахъ удивленія безмолвнаго! . . . . .

Обращено снова вниманіе Царское на очищеніе путеводнаго пламени въ благодѣтельномъ свѣтильникѣ законовъ. Послѣднее сооруженіе мудраго Свода оныхъ доказываетъ вмѣстѣ и неусыпное попеченіе Государя о законодательствѣ, и неограниченное уваженіе Его къ законамъ. Безсмертный свѣтильникъ сей, возженный по волѣ премудрости Царской, сви-

дѣтельствуетъ равномѣрно и о той высокой степени просвѣщенія Россіи, на которую она возведена нынѣ благодѣтельною десницею Государя, и о великихъ талантахъ тѣхъ мужей, коимъ поручено было исполненіе сего огромнаго предпріятія. Такъ, Сограждане! доколѣ свѣтило дневное будетъ озарять вселенную, дотолѣ имя и Государственный геній Сперанскаго вѣчно пребудутъ безсмертны въ лѣтописяхъ нашего Отечества и знамениты въ цѣломъ свѣтѣ! Цари великіе умѣютъ находить и людей великихъ! — Я могу здѣсь уподобить Россію богатой и обширной почвѣ, ущедренной природою и преисполненной въ нѣдрахъ своихъ чистѣйшимъ златомъ и камнями драгоцѣннѣйшими; а Государя нашего великому и благодатному Солнцу, приводящему все въ зрѣлость и поспѣяніе лучами Своего всемогущества, и дающему всему, съ недосягаемой высоты Своего величія, жизнь, лѣпоту, прочность и благоустройство! —

Неистощимая справедливость и предусмотрительность Государя не ограничиваются едиными токмо заботами

Его о внутреннемъ благоденствіи Своего Государства, но изливаются даже, какъ источники благодатные, и въ постоянныхъ попеченіяхъ Его о сохраненіи порядка и спокойствія въ цѣлой Европѣ; ибо Россія, если дерзну такъ выразиться, есть огромная тяжесть на политическихъ вѣсахъ цѣлаго міра. Сколько разъ видѣли мы Царей и царства, потрясенныя духомъ буйства и безначалія, прибѣгающими съ упованіемъ твердымъ подъ благодѣтельную сѣнь щита нашего Государя; — и надежды ихъ никогда не были обмануты! Единаго грознаго слова Государя достаточно для водворенія въ народахъ порядка и спокойствія! Пускай же Адскій духъ буйства и безначалія между племенами намъ чуждыми воетъ въ безсиліи своемъ предъ спасительнымъ всемогуществомъ Николая, и да вѣдаютъ, въ тщетныхъ замыслахъ своихъ, всѣ сіи племена намъ чуждыя, что Великій Монархъ нашъ свыше благословенъ Провидѣніемъ, по незыблемой твердости Своего духа, на крѣпкую стражу всеобщаго спокойствія, порядка и благоустройства! — Такъ, Со-

граждане! уже цѣлая вселенная свиваетъ Ему безсмертный вѣнокъ лавровый!

Говоря о неистощимыхъ трудахъ и заботахъ нашего Государя, заключимъ единымъ словомъ, Сограждане! что всѣ труды и заботы Государя клонятся къ истинному счастію и славѣ Россіи. Такъ, такъ, Сограждане! я ничего здѣсь не изобрѣталъ, но все срисовывалъ. На что для другихъ Монарховъ нужно было по малой мѣрѣ полъ-вѣка, то Великій Государь нашъ совершилъ въ восемь лѣтъ Своего царствованія. Улучшены арміи, флоты, учебныя заведенія, судопроизводство; воздвигнуты новыя великолѣпныя зданія, торжественныя врата, величественные храмы; процвѣтаютъ торговля, науки, художества, изящная Словесность; утверждено благоденствіе Отечества, повиты лаврами знамена его, и цѣлая Россія наслаждается спокойствіемъ и счастіемъ подъ благодѣтельнымъ для насъ Самодержавіемъ Николая Перваго! — Но я бы вѣчно не кончилъ Картины сего блистательнаго Восьмилѣтія Россіи, если бы захотѣлъ

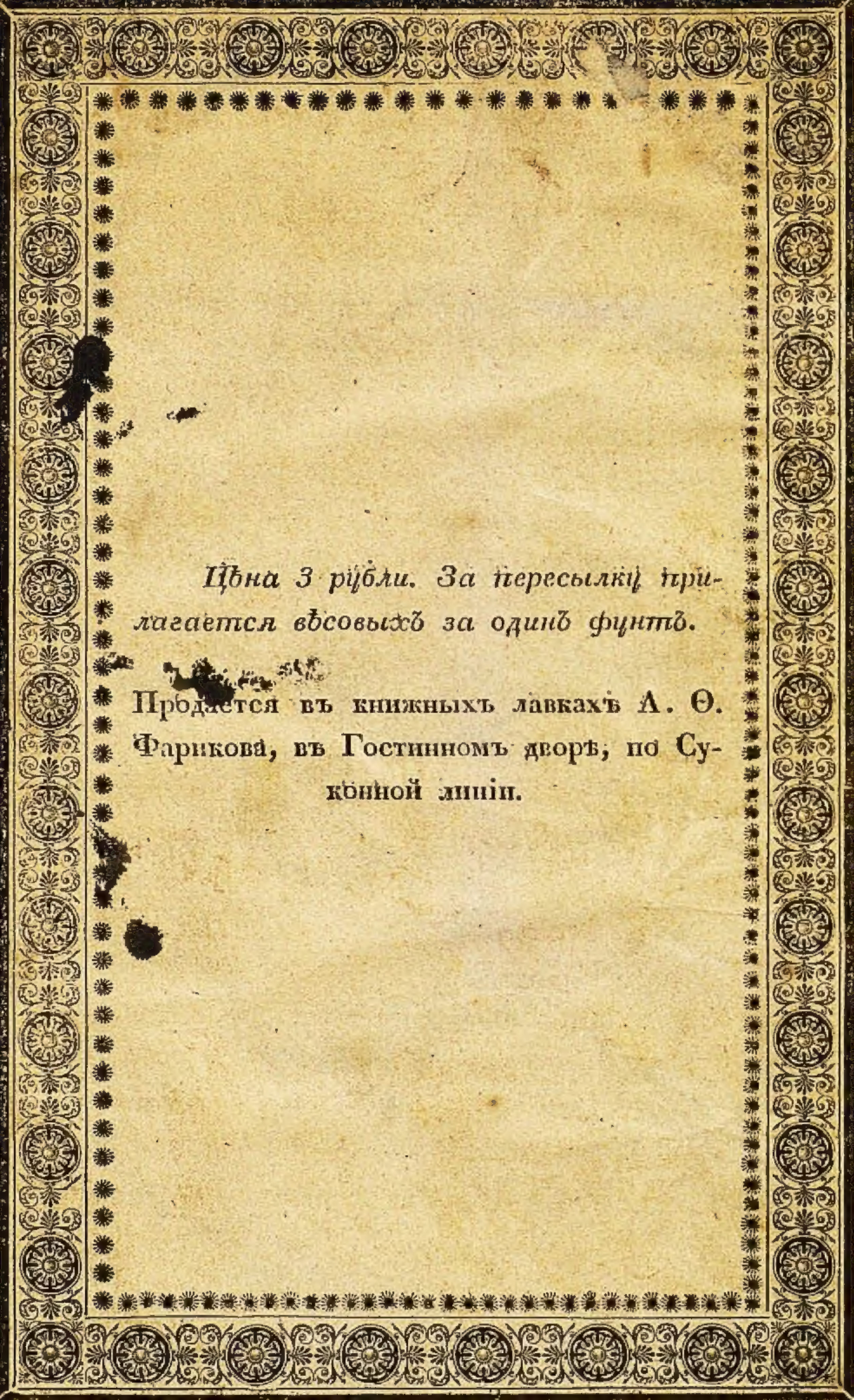
изчислять здѣсь въ подробности всѣ подвиги, труды и добродѣтели Государя. Пускай другіе довершатъ начатый мною единый только очеркъ; но я, чувствуя слабость силъ моихъ, безмолвствую и передаю потомству палитру и кисти мои въ изумленіи благоговѣйномъ! —

И такъ, Сограждане! позвольте мнѣ кончить здѣсь слабую рѣчь мою: пораженный величіемъ предмета, я теряюсь мыслями въ необъятности онаго, и, въ сознаніи моего безсилія, не дерзаю парить къ солнцу во слѣдъ за орлами могучими. Чувства мои, торжественно здѣсь излитыя, не принадлежатъ мнѣ изключительно: онѣ суть драгоцѣнное достояніе цѣлой Россіи, благоденствующей подъ скипетромъ Государя; и я, послѣдній и едва замѣтный изъ Его подданныхъ, могу гордиться развѣ тѣмъ только, что, преисполненный благоговѣнія и благодарности, имѣю также и свой участокъ въ сокровищницѣ онаго. Единое желаніе наше, желаніе всѣхъ вѣрноподданныхъ (ибо все прочее имѣемъ мы поблагости Государя, пользуясь всѣ на ровнѣ благодѣтельнымъ вліяніемъ зако-

новъ и благоустройства общаго) — единое желаніе наше, да продлитъ Царь Царей драгоцѣнные дни жизни Монарха возлюбленнаго; да сыны сыновъ нашихъ сподобятся узрѣть маститыя сѣдины на священной главѣ Его, для счастія и благоденствія Отечества; да процвѣтаетъ въ роды и роды, какъ древо многовѣтвистое при животворныхъ источникахъ, Августѣйшій и Богоизбранный Домъ Романовыхъ; да юныя Его лѣторасли, въ путяхъ Ихъ царственной жизни, вѣчно имѣютъ Государя своимъ примѣромъ, своимъ руководителемъ, ибо добродѣтели истинныхъ вѣрноподданныхъ заключаются также и въ желаніи благоденствія поколѣніямъ грядущимъ. Молимъ Небесное Провидѣніе, да возродитъ Оно намъ въ Августѣйшемъ Преемникѣ Государя Самаго Государя! Да царствованіе Его будетъ только единымъ продолженіемъ настоящаго царствованія! — Но почто молить Небо уже о дарованной намъ благодати? Не читаемъ ли мы на челѣ юнаго Александра лучезарнаго отблеска всѣхъ доблестей Его Августѣйшаго Родителя?

Созрѣвающая младая жизнь Его подъ благодатнымъ и мудрымъ вліяніемъ **Государя** не служитъ ли намъ вѣрнѣйшимъ ручательствомъ за благоденствіе потомковъ нашихъ, и что всѣ высокія добродѣтели царствующаго нынѣ **Монарха** возлюбленнаго будутъ такимъ образомъ постоянно сіять на Престолѣ **Романовыхъ**, огражденномъ любовію подданныхъ; — и что наконецъ всѣ царствованія грядущія составятъ для Россіи единый безпрерывный и златой вѣкъ благодатнаго для насъ царствованія **Николая Перваго**?—

Конецъ.

Цѣна 3 рубли. За пересылку прилагается вѣсовыхъ за одинъ фунтъ.

Продается въ книжныхъ лавкахъ А. Ѳ. Фарикова, въ Гостинномъ дворѣ, по Суконной линіи.

